

ПОНЯТИЕ СЛОЖНОСТИ В КОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Рассмотрен эвристический потенциал и когнитивные границы понятия «сложность» в социальном познании. Показано, что использование концепта сложности в социально-философском мышлении свидетельствует не только о когнитивной чувствительности социально-гуманитарных наук к идеям синергетики, но и способствует более глубокому осмыслению интеграции естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Показано также, что одним из важнейших направлений методологического осознания подобной интеграции является изучение семиотики темпоральности как когнитивного инструмента редукции сложности в исследованиях культурных артефактов социального мышления и деятельности.

Ключевые слова: сложность, синергетика, смысл, социальное действие, семиотика темпоральности.

Когнитивные основания анализа сложности в социальном познании

Идеи синергетики, блистательно оправдавшие себя в познании природы, сегодня активно проникают и в социальное познание. Подобное «перекрестное опыление» методов естественных и социогуманитарных наук – неизбежное следствие трансдисциплинарного характера современной стратегии научных исследований [1, с. 193]. Ключевым понятием, лежащим в когнитивном основании социальной синергетики, является понятие сложности. Его рецепция социальными когнитивными науками является продуктом формирования все более «тонких» методов исследования, ориентированных на теоретическое отображение не только (и, быть может, даже и не столько) системно-структурных характеристик социальной реальности, сколько коммуникативно-смысловых аспектов социального мира. И понятие сложности, как показано далее, является философской манифестацией не только синергетической чувствительности социально-гуманитарного знания, но и амбивалентности комплексного процесса интеграции естественных и социально-гуманитарных наук.

С одной стороны, акцент на коммуникативно-смысловых характеристиках социальной реальности теоретически артикулирует принципиальное отличие «мира, светящегося смыслом», от до-человеческого, природного мира. Ибо социальный мир осмыслен в обыденном мышлении до и независимо от социального наблюдателя-теоретика. Он изначально расчленен в естественном языке и обыденных типизациях здравого смысла, осмыслен и проинтерпретирован в обыденном сознании людей, в рамках их «естественной установки сознания» (Э. Гуссерль). Система intersubjectивных социальных значений составляет когнитивную карту жизненного мира – совокупности дорефлексивных очевидностей обыденного сознания, при-

нимаемых как неоспоримая данность. И в этом отношении когнитивные конструкты социального теоретика являются «конструктами второго порядка», «вторичной рационализацией обыденных интерпретаций» (А. Шюц), надстраиваемыми над жизнемировыми константами повседневности. Коммуникативно-смысловая составляющая конститутивна для социального мира. Ее игнорирование ведет к искажающей натурализации социального мира и к теоретической дегуманизации человека.

В свою очередь, современная естественно-научная картина мира в отличие от символического универсума высокой схоластики не наделяет природные объекты сами по себе символическим смыслом. Природный мир «ничего не значит» для составляющих его атомов и молекул. Смысл привносит в природу научный наблюдатель-теоретик, «встраивая» ее в свои онтологические схемы и концептуальные каркасы. Осмысленность природы – это осмысленность научной картины мира, заданная онтологическим содержанием универсальной культуры.

Но при столь явном различии онтологии природы и онтологии социальности современные философы познания и науки все настойчивее говорят об усилении интеграции естественных наук и наук об обществе и человеке. И основанием подобного утверждения является все более глубокое осознание принципиального сходства («методологического изоморфизма», по выражению М. А. Розова) методологии социальных и естественных наук. Так, в недавно вышедшей в свет юбилейной книге замечательный отечественный философ познания В. А. Лекторский утверждает, что «сегодня можно говорить о новом типе интеграции естественных наук и наук о человеке. Речь не идет о возникновении некой единой науки, о которой мечтали логические позитивисты, – имеется в виду принци-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ-БРРФФИ № 11-23-01005a/BeI.

альное единство исследовательских методов» [2, с. 50].

Далее показано, что синергетически понятой сложности принадлежит важнейшая роль в теоретическом осознании процессов методологической конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания.

Начнем с простого примера, касающегося элементарной клеточки социальной реальности – социального действия. Социальные феноменологии показали, что темпоральная структура социального действия чрезвычайно сложна. Траекторию действия можно уподобить не прямой, ведущей от начала действия к спроектированному результату, а причудливому сцеплению петель обратной связи («акт прерывистого синтеза», по Э. Гуссерлю), в каждой из которых осуществляется корректировка следующего шага осуществления действия на основе достигнутых результатов предыдущего. При этом само осуществление действия как реализацию проекта во внутреннем времени (*durée*), как показал еще А. Бергсон (а с ним солидаризировались и Э. Гуссерль), нельзя уподобить перемещению в пространстве. Ибо если идущий, заблудившись, повернет обратно и заново пройдет тот или иной отрезок пути, то в физическом мире ничего не изменится, тогда как реализация проекта во внутреннем времени конституирует свою непрерывность, сбой в которой (в случае если на каком-то этапе рефлексия предварительного результата требует корректировки траектории действия) означает повторное (рекурсивное) вхождение в поток сознания. Ибо непрерывность прежнего потока опыта утрачена, так что кажущееся «повторение» одного и того же в ином контексте опыта («новом окаймлении») рождает и новые смысловые связи («когерентности») во внутреннем времени, т.е. новое «событие». В терминах синергетики это означает рекурсивное вхождение в систему, дающее новый результат.

Более того, проект действия как антиципация будущего результата никогда не дает (и в принципе не может дать) точной картины проектируемой реальности. Во-первых, по причине невозможности предсказать заранее все пробы и ошибки, т.е. априори не эксплицируемые петли обратной связи, описанные выше. Самое существенное, однако, состоит в том, что проектирование основано на используемых в социальном мышлении типологических конструктах, схватывающих лишь наиболее общие, часто повторяющиеся характеристики социальных действий, а не индивидуальные особенности каждого отдельного случая. Если число признаков, типизированных в конструкте, ограничено или, во всяком случае, конечно, то любое действие обладает бесчисленным, т.е. потенциально беско-

нечным набором характеристик, «не схваченных» в типизациях. Например, прием больным предписанного лекарства, испытанного на множестве других пациентов, не гарантирует (а делает лишь вероятным) облегчение его болезни, так как ни один из испытуемых не мог обладать в точности таким же набором сопутствующих заболеваний, генетических предрасположенностей и возрастных изменений организма, как наш больной. И чем более сложно и пролонгированно данное социальное действие, лечение болезни, тем более сложна его траектория (отмена одних предписаний и назначение других на основе предварительных результатов).

Непредсказуемость результатов социального действия еще более усилится, если принять во внимание, что любое относительно сложное действие имеет как минимум ближайшие и отдаленные последствия, зачастую не только не совпадающие, но подчас и прямо противоположные. Прибегая к ранее использованному примеру, заметим, что прием пациентом болеутоляющего лекарства, очевидно, способен принести ему облегчение и, следовательно, имеет позитивный результат. Но если учесть, что это действие заглушило симптоматику надвигающейся грозной болезни и тем самым не позволило ее вовремя диагностировать, то в долгосрочной перспективе последствия этого же действия придется признать негативными. Следует также иметь в виду, что социальное действие осуществляется не в коммуникативном вакууме – оно вплетается в контекст других социальных действий, различным образом взаимодействуя с ними (взаимопомощь, конкуренция, насильственное сопротивление и т.п.), и у действующего нет контроля над всеми возможными эмерджентными факторами, неизбежно возникающими по ходу практического воплощения проекта. Социальные феноменологии добавляют к этому и неизбежную эволюцию смысловых характеристик социального действия по мере седиментации новых субъективных значений в процессе обретения опыта осуществления действия. Невозможность точного предсказания результатов социального действия феноменологически означает, что ему присущ открытый горизонт значений [3, 4]. Описанные выше сложностные характеристики социального действия с неизбежностью приводят к выводу о том, что его результат принципиально не предсказуем в точности. Степень точности предсказания ограничена набором элементов, типизированных в конструктах, используемых в социальном проектировании.

Предпринятое выше детальное описание социальных обстоятельств, обуславливающих невозможность точного предсказания результатов социального действия, имеет целью продемонстрировать тот факт, что уровень сложности социальных

процессов «задан» тонкостью методологического аппарата их анализа. Именно это наблюдается и в изучении физических процессов, описываемых с помощью аппарата синергетики. В самом деле в сложно организованных саморазвивающихся системах природы в точке бифуркации точное предсказание невозможно. Ибо точка бифуркации – это точка «ветвления» альтернатив. И в ней выбор пути-аттрактора последующего развития может быть задан незначительными, а подчас и случайными воздействиями. Так что, равно как и в описанном выше случае с социальными действиями, задачей познания сложных систем оказывается не однозначное предсказание – идеал классической науки, а описание возможных сценариев, путей-аттракторов устойчивого развития. Именно в этом сегодня и состоит главная тенденция методологической конвергенции естественных и социальных наук. Следует подчеркнуть, что эта тенденция может быть выявлена лишь в рамках (пост)неклассической рациональности, отказавшейся от честолюбивых претензий классической науки на все более точное предсказание.

Можно высказать и более смелое предположение. Хотя формирование неклассической и постнеклассической рациональности связывают с достижениями естественных наук, и прежде всего физики (первой теорией неклассического типа принято считать электродинамику Максвелла), отдельные идеи неклассической рациональности в социально-гуманитарном познании сформировались ранее аналогичных в естественных науках. Так, еще неокантианец Г. Риккерт, изучая способы формирования научных понятий в «науках о культуре», сформулировал в свое время не оцененную по достоинству идею о том, что приложение различных методов к одному и тому же объекту конституирует его в предметы различных наук. Действительность, рассмотренная с позиций обобщающего («номотетического») метода, становится предметом «наук о природе», полагал он, тогда как приложение индивидуализирующего («идиографического») метода превращает ее в предмет «наук о культуре» [5, с. 44–121]. Различие между науками о природе и о культуре, по Г. Риккерт, основано не столько на «материальном», сколько на «формальном» принципе. И если нас интересует историческое событие в его уникальности и неповторимости, мы прибегаем к использованию идиографического метода и тем самым делаем его предметом истории. Если же нас интересуют типичные черты, например английского фабричного рабочего середины XIX в., то мы должны прибегнуть к использованию обобщающего (номотетического) метода, логически не отличимого от естественно-научного, полагал он. Констатация методологической относительности к

средствам и операциям деятельности ныне составляет краеугольный камень неклассической рациональности.

Но Г. Риккерт пошел еще дальше. Он описал принципиальную возможность «работы» на одном и том же научном материале логически взаимоисключающих методов, дающих разные картины объектов, с последующим сравнением результатов. Таким образом, он фактически использовал методологический принцип дополнительности еще до того, как его сформулировал Н. Бор применительно к объектам физики микромира.

Сделаем предварительное обобщение. Тенденция к интеграции естественных и социально-гуманитарных наук на основе концепта сложности проявляется в том, что уже в неклассической науке традиционное для классической рациональности противопоставление естественных и социогуманитарных наук по методу объяснения и понимания (философски артикулированное в философии жизни и неокантианстве) замещается их автопоэтическим, коммуникативным диалогом, генерирующим более высокий уровень сложности. Поэтому, по справедливому мнению В. И. Аршинова, «коммуникативная методология постнеклассической синергетики и интенционально, и рефлексивно предполагает эволюционное преодоление декартовской традиции, а потому в философском отношении она является *постфеноменологической*» (курсив наш. – Н. С.) [6, с. 181]. Мысль очень плодотворная. Между тем проблема наблюдателя как субъекта трансцендентальной самореференции и в рамках методологической рефлексии постнеклассической науки все еще остается слабо разработанной.

Сказанное относится прежде всего к проблеме понимания в естествознании – проблеме, традиционно считавшейся атрибутом и отличительной чертой «наук о духе» (В. Дильтей). В естествознании эта проблема наиболее интенсивно обсуждалась в квантовой механике, множественность интерпретаций которой сродни плюрализму интерпретаций социогуманитарных текстов. Сходны (но не тождественны) и методологические проблемы, порождаемые задачей понимания естественно-научных текстов. В теоретической физике это проблема «наблюдателя второго порядка», связывающего воедино ситуацию наблюдения и intersубъективной коммуникации. В социально-гуманитарном познании она известна как проблема «парадокса самоописания» (Н. Луман), или самореференции (Б. Вальденфельс). Суть ее в следующем. Классическая рациональность допускает существование «абсолютного наблюдателя», взвешивающего на происходящее в реальности с позиций вневходимости. Абсолютный наблюдатель по определению трансцендентен реальности и в теологическом

контексте идентифицируем с господом Богом, обжившим место абсолютного наблюдателя.

В социальной реальности не существует позиции абсолютного наблюдателя, находящегося вне общества, но говорящего о нем с позиций трансцендентного не-соучастника. В анализе социальной реальности, напротив, существенна экспликация локуса теоретической речи в социальном пространстве, т. е. «места» социологического «взгляда» в высоко сложной социальной системе, различные уровни сетевой иерархии которой имеет свою систему культурных смыслов – «конечную область значений» (А. Шюц) [7, 8]. И в рамках (пост)неклассической рациональности презумпцией анализа социологических данных является предваряющее понимание факта включенности социального теоретика в определенные ансамбли языковых и культурных практик и, следовательно, несвободы от предпосылок, обусловленных его социально-групповым положением, традициями профессионального образования, научной школы и т. п. А это, в свою очередь, порождает необходимость «рефлексии второго порядка» – анализа собственных скрытых, неявных предпосылок научной теоретизации. Социальный теоретик должен научиться выговаривать «фигуры умолчания» – содержание того «само собой разумеющегося» (фонового) знания, которое неявным образом входит в структуры его теоретической концептуализации. Иными словами, прежде чем стать наблюдателем социальной реальности, он должен стать рефлексивным самонаблюдателем, выстроить когнитивную модель Self – себя как научного наблюдателя. В intersубъективную же коммуникацию различных наблюдателей, таким образом, включаются и наблюдения «второго порядка» (в свою очередь, представленные различными пластами саморефлексии: от обыденных представлений до традиций научной школы, с которой ученый себя идентифицирует), генерирующие сложность когнитивной структуры полученных данных. И в этом – методологическом – смысле социологический наблюдатель принципиально сходен с описанным выше «наблюдателем второго порядка» в естественных науках. И в том и в другом случае он, исследователь сложности, сам неотъемлемый компонент этой сложности. В (пост)неклассической модели рациональности он должен осознать сложность как природы, так и человека в качестве органической составляющей природы, как объекта-соучастника ее эволюционного процесса. Такой взгляд созвучен не только социальным наукам, артикулирующим неэлиминированность коммуникативно-смыслового измерения исследуемых процессов, но также эволюционной эпистемологии и эндофизики, встраивающей наблюдателя в модель объектных структур изучаемого

объекта. Модель наблюдателя и средств его наблюдения суть неэлиминируемые компоненты, локализованные в когнитивной модели эндофизических объектов. Подобное сходство методологических сдвигов в понимании места и роли наблюдателя в естественно-научных и социогуманитарных областях знания – необходимая предпосылка построения трансдисциплинарной теории сложности [1].

Концепт сложности в анализе социокультурного опыта

Сложность современных социальных систем и жизненных миров бросает вызов обыденным представлениям о мезокосме как онтологической нише жизни и социальности. Сложностные характеристики социальных систем с параметрами порядка и самоорганизации задаются их способностью формировать эмерджентные ансамбли связей и отношений в зависимости от значений параметров порядка окружающего «контекста». Топос сложности социальных систем – на границе социального порядка и хаоса (бесструктурности), в области странных аттракторов и эмерджентности (незапланированных социальных изобретений). И в этом отношении сложность коммуникативно-смысловых характеристик социального мира, человеческой деятельности и артефактов культуры не только составляет достойную конкуренцию сложности природной самоорганизации, но подчас и превосходит ее, как онтологически, так и по глубине методологического осознания.

Неэлиминируемая сложность социального объекта задана уже тем, что он всегда представлен в знаково-символической форме. В неклассической парадигме социального знания теоретически артикулирована идея невозможности внелингвистического доступа к социокультурным объектам. Это означает, что ни трансцендирование до уровня культурного «объекта самого по себе» (по Канту, вещи-в-себе, аффицирующей чувственность), ни эмпатическое «непосредственное схватывание» или интуитивное прозрение в науках о культуре невозможны. Социокультурная реальность, «закодированная» в знаково-символических формах культурной объективации, не допускает абстрагирования от исторически конкретных форм знаково-символической презентации в культуре без искажающей натурализации социального мира. Поэтому сложность социально-культурных артефактов человеческой деятельности задана не только их социально-онтологическими характеристиками (сложностью структурной организации, темпоральных, причинных, пространственных и иных связей), но и онтологическими обязательствами культурного кода и используемого языка. Проще говоря, одна и та же социокультурная система может быть и

простой, и сложной одновременно в зависимости от выбора языка ее описания и способа «распаковки» знаково-символического континуума.

Герменевтическая метафора «распаковки смыслового континуума» позволяет артикулировать идею плюрализма описаний сложности, многообразия не сводимых друг к другу языков описания сложности (идея онтологической относительности, невозможности абсолютно адекватного перевода У. Куайна). В свою очередь, несводимость языков – как в семантическом, так и в семиотическом смысле – порождает рост сложности культурных артефактов вследствие нарастания многообразия как символических средств их презентации, так и культурно детерминированных ракурсов интерпретации – «пролиферации интерпретаций» (Ж. Деррида).

Учет социально-конструирующих функций языка – неотъемлемая черта неклассической рациональности в социальном познании. Ибо, убежден К.-О. Апель, «на установлении смысла в коммуникативном синтезе интерпретации – а уже не синтезе апперцепции – и основан “высший пункт” (Кант) семиотически трансформированной трансцендентальной философии» [9, с. 195]. Учет этого обстоятельства, среди прочих, определяет сложностный интерфейс взаимодействия социального теоретика с артефактами культуры в рамках (пост)неклассической рациональности.

Не будет преувеличением полагать, что наиболее сложной системой, известной как научному, так и обыденному сознанию, является само сознание. Оно же может служить и образцом самоорганизации [10]. В анализе социокультурного опыта важно проанализировать темпоральные характеристики сознания в парадигме сложностной самоорганизации. Для экспликации когнитивного горизонта понятия сложности в рамках феноменологической модели сознания обратимся к ключевой метафоре сознания – восходящему к А. Бергсону и У. Джемсу понятию «поток сознания». Метафора потока означает, что сознание не складывается из отдельных дискретных актов восприятия, но «течет», т. е. является непрерывно длящимся процессом. По А. Бергсону, «сознание... – это не просто поток представлений, ему присущ внутренний динамизм, напряженный ритм взаимопроникновения и взаимодействия, в процессе которого предшествующее, сложившееся живое целое организует свои элементы» [11, с. 9–10]. Каждый переживаемый миг уникален. Невозможно пережить дважды одно и то же состояние сознания, так как между любыми его состояниями существует временной разрыв, наполненный человеческими переживаниями. Человек живет в потоке сознания как в непосредственной психофизической данности своего я, в до-

рефлексивной установке, не выделяя себя из потока сознания.

Феноменологически наиболее фундаментальной характеристикой помянутого выше потока сознания является его временность – как непрерывно длящийся поток персональных данных сознания: переживаний, мыслей, чувств, аффективных конфигураций, образов, ассоциаций и т. п. «Повсюду, где что-нибудь живет, всегда найдется раскрытый реестр, в котором время ведет свою запись», полагал А. Бергсон [12, с. 52]. При этом внутреннее (психологическое) время, или длительность, далеко не всегда совпадает с «внешним», астрономическим временем, измеряемым по часам. Психологическая длительность – это время-переживание, ритм рецепции нового опыта, мерило человеческого взросления. Поток мысли, поток опыта, поток персональной жизни сознания, наконец, когитации – таковы термины, используемые У. Джемсом, а впоследствии и Э. Гуссерлем для характеристики сознания. Во внутреннем времени нет «равных» интервалов (если понятие интервала вообще применимо к сознанию), так как мы не в состоянии «приравнять» одно переживание к другому. Поэтому убежден Э. Гуссерль, некогда пережитое, нельзя пережить заново, так как в случае повторного вхождения в поток сознания отсутствуют сопутствующие прежнему опыту ментально-аффективные «окаймления».

Социальному познанию, наукам о человеке свойственна сложная семиотика темпоральности. «Внешнее», астрономическое, или гражданское, время фиксирует периодичность процессов в природе и измеряется по часам. Внутреннее же время, или длительность, это мера человеческого переживания реальности. Рассогласование внутреннего и внешнего времени фундаментально для феноменологического анализа сознания. Объективированное, гражданское (декретное) время, не зависимое от характеристик сознания, по мысли Э. Гуссерля, столь же отлично от внутреннего сознания-времени, как личное переживание от движения часовой стрелки.

С артикулированным в рамках феноменологии рассогласованием субъективного и объективного времени наверняка знаком каждый по собственному опыту. «Пустое» время ожидания, пусть и краткосрочного, тянется мучительно долго, тогда как время, наполненное впечатлениями, спрессовано в миг. Однако в рефлексивном повороте, воспоминании именно первое, «пустое» время сжимается в точку, тогда как второе помнится тем «длиннее», чем более преисполнено жизненными переживаниями.

Показательно, что подобное рассогласование гражданского и психологического времени нахо-

дит применение и в научных методиках. Феномен темпорального рассогласования используется социологами для оценки степени вовлеченности респондента в коммуникативную ситуацию опроса. Предположим, что интервью (или заполнение социологической анкеты) длилось 5 мин (по часам). Если на вопрос о том, сколько времени, по мнению респондента, он затратил, последний называет завышенную цифру (например, 10 мин), можно с уверенностью сказать, что предложенные вопросы были ему не слишком интересны – его внутреннее время тянулось медленно. Тогда как занижение темпорального интервала (например, до 2–3 мин) свидетельствует о его высокой вовлеченности в ситуацию (время пролетело быстро).

Феномен рассогласования физического (объективного) и психологического (субъективного) времени используется и в иных формах социальных практик. Процесс исполнения музыки, например, представляет собой артикуляцию музыкальной темы во внешнем времени. Восприятие же музыки, т. е. осмысленная организация и согласование тонов, осуществляется в необратимом направлении внутреннего времени. Бесспорно, что игра на музыкальном инструменте, прослушивание записи или чтение нотного письма представляют собой действия во внешнем, гражданском времени. Этим же временем должен руководствоваться и исполнитель, чтобы держать правильный темп. Другое дело – музыкальное восприятие. Феноменологически именно внутреннее время рассматривается как «сама субстанция музыки». Поясним это, воспроизведя мысленный эксперимент А. Шюца. Представим себе, что мы прослушали запись симфонии в замедленном темпе. Внутреннее, психологическое время-переживание медленной записи окажется «той же длины», что и обычной записи. Ибо, воспринимая музыку, слушатель живет именно во внутреннем времени, отключившись от «внешнего», могущего быть разделенным на равные интервалы: часы, минуты, секунды. Но они просто не существуют для человека, живущего во внутреннем времени. Во внутреннем времени нет равенства интервалов, если понятие интервала вообще применимо ко внутреннему времени. Слушатель, быть может, с удивлением узнает, что вторая часть «Лунной сонаты» Л. Бетховена длится 3,5 мин. Однако это знание пригодится скорее составителям музыкальных программ, нежели тем, кто наслаждается восприятием музыкального послания «к бессмертной возлюбленной» [13, с. 211].

Существенно, что для субъективного переживания внутреннего времени ключевое значение имеет настоящее, «сейчас», «теперь». Момент «сейчас» разламывает темпоральный континуум на прошлое и будущее, а в определенном смысле – и

на социальное и индивидуальное. Опыта будущего еще нет в сознании, а быть может, и не будет вовсе. Это опыт в возможности, потенциальный опыт. Ему можно приписать гипотетический набор субъективных смыслов. Но «потенциальные» субъективные смыслы не в состоянии детерминировать наши актуальные восприятия. Предвосхищения (антиципации) будущего, конечно же, так или иначе влияют на настоящее: когда нечто воспринимается людьми как реальное, оно реально по своим последствиям (теорема Томаса). Но характер влияния будущего на настоящее иной, нежели прошлого на настоящее. Прошлое можно переписать, переинтерпретировать, т. е. приписать ему новые смыслы, но его нельзя изменить. Проекция же будущего мы изменяем постоянно – нашими действиями в настоящем. Предвосхищения будущего основаны в большей мере на социально апробированном, типизированном знании, нежели на личном опыте. Ибо личного опыта будущего у нас нет. Но социальное сообщество накопило опыт создания сценариев возможного будущего на основе социальных типизаций (когнитивных паттернов). Типизации – это смысловые конфигурации, сложившиеся в процессах седиментации интересубъективных социальных значений. Не давая однозначных предсказаний (см. предыдущий раздел), они позволяют уменьшить неопределенность и создать предсказуемый социальный мир, т. е. редуцировать сложность системы при переходе из состояния «сейчас» в «потом».

Обобщая (и несколько огрубляя), можно сказать, что «сейчас» – это локус встречи субъективного и объективного времени, социального и индивидуального. Пограничное положение «теперь» позволяет с его помощью преодолеть дуализм внутреннего и внешнего, раскол между атемпоральной классической наукой и глубокими философскими размышлениями о времени А. Бергсона, У. Джемса и Э. Гуссерля. И сегодня мы осознаем, что проблема «сейчас» парадоксальным образом обнаруживает свою актуальность и в физических науках. Артикуляция темпоральной сложности сознания (хотя и на основе иных, чем синергетика, предпосылок) в некоторых важных отношениях созвучна идеям И. Пригожина, ключевым концептом исследования проблем инновационной сложности которого явилось понятие времени. И фундаментальной проблемой анализа темпоральных основ восприятия является уже упомянутая проблема «теперь». Очевидные трудности приписывания физического смысла моменту «теперь» будоражили еще гений А. Эйнштейна. Он полагал, что физика не в состоянии выразить значение «теперь» для человека и что эта проблема, по-видимому, вообще за пределами точных наук. «Остановить мгновение»,

сколь бы прекрасно оно ни было, мы не в силах. «Теперь» всегда на грани внутреннего и внешнего. Но равно как и в социальных науках оппозиция социального и индивидуального концептуально все более опосредуется («габитус», «фигурация», «социальное тело» и т. п.), в рамках синергетики развивающихся систем «тает» непроходимая грань внутреннего и внешнего. И в этой связи анализ семиотики темпоральности является важнейшей составной частью современных процессов интеграции естественных и социально-гуманитарных наук.

Список литературы

1. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 10 (112). С. 193–201.
2. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Философия. Познание. Культура. М.: Канон+, 2012. С. 50–59.
3. Schutz A. Collected Papers. Vol. 1, The Hague, 1962. P. 3–47.
4. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранные произведения. Мир, светящийся смыслом / сост. и общ. ред. Н. М. Смирновой. М.: Росспэн, 2004. С. 7–50.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / общ. ред. и предисловие А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998. 413 с.
6. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Интерсубъективность в контексте постнеклассической парадигмы // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. 672 с.
7. Schutz A. On Multiple Realities // Philosophy and Phenomenological Research. 1945. Vol. V, № 4. P. 573–576.
8. Шюц А. О множественных реальностях // Избранные произведения. Мир, светящийся смыслом / сост. и общ. ред. Н. М. Смирновой. М.: Росспэн, 2004. С. 401–455.
9. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.
10. Князева Е. Н. Автопоэзис мысли // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 1 (75). С. 46–54.
11. Блауберг И. И. Предисловие // Бергсон А. Творческая эволюция. М.: «КАНАН-пресс»; «Кучково поле», 1998. С. 5–30.
12. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: «КАНАН-пресс»; «Кучково поле», 1998. 384 с.
13. Schutz A. On Phenomenology and Social Relation. The University of Chicago Press, 1965. 360 p.

Смирнова Н. М., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Институт философии РАН.

Ул. Волхонка, 14/1, стр. 5, Москва, Россия, 119991.

E-mail: zotsmi@gmail.com

Материал поступил в редакцию 22.11.2012.

N. M. Smirnova

THE CONCEPT OF COMPLEXITY IN COGNITIVE ANALYSIS OF COMMUNICATIVE AND MEANINGFUL ASPECTS OF SOCIAL REALITY

Heuristic power and cognitive limits of the concept of complexity is viewed in this paper. It is shown, that the use of the concept of complexity helps us not only to recognize to what extent social thinking could accept basic ideas of synergetics, but also to deepen methodological reflection of the natural and social sciences' integration process. It is also shown, that the study of temporality semiotics as an instrument of complexity reduction appears to be one of the most important aspects in methodological recognition of the above-mentioned process in social thinking and activity.

Key words: *complexity, synergetics, meaning, social action, temporality semiotics.*

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Ul. Volkhonka, 14/1, str. 5, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: zotsmi@gmail.com